

Секс, ложь и карьера. Пикантные мотивы из жизни российских сановников

А. Г. Горак

Для цитирования: Горак А. Г. Секс, ложь и карьера. Пикантные мотивы из жизни российских сановников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 755–770. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.305>

Накануне Великой войны на западных окраинах Российской империи существовали российские диаспоры чиновников, военных и их семейств. Изолированные от местного общества, но сами при этом существовавшие в рамках иерархии, они «вращались в своих кругах». Все знали друг о друге очень многое, даже в интимной сфере. Частная жизнь чиновников часто не соответствовала требованиям, предъявляемым представителю российских властей на национальных окраинах, что нашло отражение в рапортах жандармерии и воспоминаниях, но, естественно, замалчивалось в официальных документах учреждений. Иногда историку везет, и он может сравнить изложение одной и той же истории в трактовке источников разных типов. Статья рассматривает частную жизнь российских сановников (губернаторов и вице-губернаторов) в Царстве Польском, анализирует ее влияние на карьеру. Читателю представлены фигуры трех российских чиновников среднего звена в масштабе империи, а в местной иерархии — сановников. Первый, Михаил Викторович Селецкий, вице-губернатор люблинский, несмотря на очень хорошее образование и квалификации, покончил жизнь самоубийством в результате несчастной любви к дочери губернатора. Второму, Ивану Дмитриевичу Заушкевичу, вице-губернатору седлецкому, карьере сломал скандал с любовницами, от которых у него были дети. Третий, Семен Николаевич Корф, губернатор ломжинский, а потом варшавский, наоборот, невзирая на довольно развратное поведение, сделал относительно хорошую карьеру, которая была лишь временно остановлена его пребыванием в немецком плену. Представленные примеры показывают контраст официального образа представителя власти — носителя консервативной идеологии — с их повседневной и, особенно, сексуальной жизнью. Если их поведение и не было вполне типичным, то находилось в рамках общепринятых представлений, и только превратности судьбы привели к тому, что о них возникла избыточная информация, отразившаяся в источниках, которые попали в руки историка.

Ключевые слова: Российская империя, Царство Польское, чиновничество, элиты, любовница, Михаил Викторович Селецкий, Иван Дмитриевич Заушкевич, Семен Николаевич Корф.

Артур Генрикович Горак — PhD, Университет Марии Кюри-Склодовской, Польша, 20-031, Люблин, пл. М. Кюри-Склодовской, 4А; artur.gorak@umcs.lublin.pl

Artur G. Górak — PhD, Maria Curie-Skłodowska University, 4A, M. Curie-Skłodowska Sq., Lublin, 20-031, Poland; artur.gorak@umcs.lublin.pl

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Sex, Lies and Career. Piquant Motifs of the Lives of Russian Dignitaries

A. G. Górak

For citation: Górak A. G. Sex, Lies and Career. Piquant Motifs of the Lives of Russian Dignitaries. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 755–770. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.305> (In Russian)

On the eve of the World War I, the western peripheries of the Russian Empire were home to diasporas of Russian officials, military men and their families. Being isolated from local communities but at the same time highly hierarchically organised, they functioned solely within their own circle. Everyone knew one another to the most intimate detail. Nevertheless, their private lives often failed to meet the requirements imposed on the Russian officials residing in the borderland, which was reflected in the reports of the gendarmerie and memoirs, but silenced in the official documents of the institutions. Every once in a while, a lucky historian happens to stumble upon an opportunity to look at the same event from different angles through various types of sources. By presenting various cases of informal relations of Russian dignitaries (governors and vice-governors) with women in the Kingdom of Poland, the article analyses their impact on life and career. The author introduces the reader to characters of three Russian officials, of middle ranking on the scale of empire and dignitaries in the local hierarchy. The first, Mikhail Viktorovich Seletsky, the vice-governor of Lublin, despite his very good education and qualifications, committed suicide as a result of unhappy love for the governor's daughter. The second, Ivan Dmitrievich Zaushkevich, the vice-governor of Sedlets, was ruined by a scandal with his mistresses, Jewish sisters, by whom he had children. In contrast, the third, Semyon Nikolaevich Korf, governor of Lomzha and then Warsaw, despite his rather licentious behavior, made a relatively good career, which was only temporarily stopped by his stay in German captivity. The presented examples show the discrepancy between the official image of a representative of power with a rather conservative ideology and their everyday life, especially their sexual life. So, on the one hand, their way of life did not differ from the social norms of the time, which were already quite free at the turn of the 19th and 20th centuries, especially on the western edge of the Empire. On the other hand, they were criticized by their superiors and the political police.

Keywords: Russian Empire, Kingdom of Poland, bureaucracy, elites, mistress, Mikhail Viktorovich Seletskiy, Ivan Dmirievich Zaushkevich, Semen Nikolaevich Korf.

Царство Польское притягивало российских чиновников комфортом жизни, преимуществами службы и, конечно, близостью Европы. При этом чиновники знали, что в Царстве есть города более и менее желательные для службы: с Варшавой во главе списка и Сувалками или Ломжей в самом его конце. В связи с этим среди местного чиновничества возникла определенная иерархия¹. Город для службы рассматривали или как трамплин для карьеры или, наоборот, как место, где можно было спокойно отсидеться, не привлекая к себе внимания высокого начальства. Для осуществления первого варианта, кроме Варшавы, первостепенное значение имел Люблин — центр русификации восточных территорий Царства Польского, где жили греко-католики, в 1875 г. насильно переведенные в православное исповедание². К интересующему нас периоду это привело к образованию и выделению

¹ Górak A. Governors in governorates Kingdom of Poland: selection of candidates and the political goals of the empire // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. 2015. T. XII. S. 101–110.

² См. также: Szabaciuk A. “Rosyjski Ulster”: kwestia chełmska w polityce imperialnej Rosji w latach 1863–1915. Lublin, 2013.

из Царства Польского Холмской губернии, что имело последствия как для самой Российской империи, так и для формирования границ в конце Первой мировой войны³. Служа в этой губернии, вокруг которой кипели страсти и в Государственной Думе, и в других инстанциях, можно было обратить на себя внимание, хорошо себя зарекомендовать и продвигаться по службе быстрее, чем в других точках (порой не менее сложных) Российской империи. Для сравнения: Ломжа, хоть и была центром губернии, но оставалась городком маленьким и тихим, чей губернатор был совершенно незаметен с берегов Невы и рисковал остаться без дальнейшего продвижения. У крупных городов Царства было еще одно преимущество: уже в 1880-х гг. здесь были значительные русские диаспоры, которые могли обеспечить более адекватную социальную почву, делали жизнь привычнее и интереснее⁴.

Правда, едиными эти русские общины казались только со стороны. Внутри них при ближайшем рассмотрении было заметно разделение, которое отражало, прежде всего, место в официальной иерархии. Причем накануне XX в. на задний план отходили сословное происхождение, размеры собственности и уровень образованности. Статус лица все больше определяли гражданская и военная служба и, конечно же, общественные и семейные связи. Не надо также забывать, что все российские чиновники были представителями империи, и степень пользы для успехов российского правления была одной из первостепенных мер оценки. Даже частная жизнь, особенно людей на более высоких должностях, подчинялась писаным и неписаным правилам, связанным со службой. При этом возникали противоречия, которые либо разрешались, либо, наоборот, перерастали в конфликты. В статье рассмотрены три наиболее громких скандала с участием начальников губерний в конфликтах, возникших на сексуальной почве.

«Замаринован» и несчастно влюблен

Обращают на себя внимание обстоятельства трагической гибели люблинского вице-губернатора в начале Великой войны, то есть осенью 1914 г. Речь идет о Михаиле Викторовиче Селецком⁵, 1867 г. р., дворянине Черниговской губернии, где он унаследовал имение площадью 750 десятин. Кстати, на службу в Люблин попало столько помещиков из этой губернии, что это вряд ли было случайностью. Сам М. В. Селецкий также давал протекцию («как не порадеть родному человечку?!»). Об этом можно догадаться по передвижению в Люблин, на должность советника административного отделения губернского правления, его крестного сына, ливонского дворянина Эдуарда Ставенгагена, который, впрочем, положительно зарекомендовал себя исследованием вопроса о немецкой колонизации Люблинщины⁶.

³ Wrzyszc A. Gubernia chełmska. Zarys ustrojowy. Lublin, 1997. S. 86–96.

⁴ См. также: *Latawiec K.* W służbie imperium... Struktura społeczno-zawodowa ludności rosyjskiej na terenie guberni lubelskiej w latach 1864–1915. Lublin, 2007; *Горак А.* Привилегии чиновников русского происхождения в администрации Царства Польского после восстания 1863 г. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар, 2010. С. 21–40.

⁵ *Górak A., Kozłowski J., Latawiec K.* Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867–1918). Lublin, 2015. S. 395–396.

⁶ Archiwum Państwowe w Lublinie (APL). Rząd Gubernialny Lubelski (1867–1918) (RGL). Os. 1693, E. Stavenhagen.

Селецкий окончил престижное Императорское училище правоведения. Оно не могло сравниться с Пажеским корпусом, но давало солидные основания для чиновничьей карьеры, пожалуй, уже лучшие, чем военная служба. На службе отличились и отец, и особенно дед Михаила Викторовича — действительный статский советник, женатый на княжне Долгоруковой. Все это, вместе взятое, позволяло рассчитывать на быструю карьеру, начало которой, действительно, было многообещающим: Михаил Викторович сразу попал в департамент Министерства внутренних дел (МВД) для накопления опыта и подготовки к занятию высших постов в провинции. В родной губернии начиная с 1894 г. его выбирали почетным мировым судьей. В возрасте сорока лет, в июле 1907 г., он получил должность люблинского вице-губернатора⁷. Мы не знаем, «по рассуждению или по убеждению» выполнял он свои обязанности по отношению к «русскому делу» на этой окраине, влившись в православные религиозные братства Люблина и Холма; но в июне 1914 г. его ранг повысился — он стал действительным статским советником. Казалось, что перед ним открылся мир имперской бюрократии.

К сожалению для Селецкого, кроме других обстоятельств, о которых будет рассказано ниже, карьере его вредили плохие отношения с губернаторами. Правда, в то время во внутренних губерниях империи их власть уменьшилась, но все равно они были центральными фигурами губернии, а по словам одного из них, даже и империи: «В сложной административной машине старого строя губернаторы были теми ста (или около того) винтами, на которых он держался, — стоило выбросить их из машины — и она развалилась»⁸. В Царстве Польском власть губернаторов не только не уменьшилась, но еще и увеличилась, поскольку никакие формы самоуправления здесь не вводились, а политический надзор усиливался. Так что отношения вице-губернатора с начальником губернии были крайне значимы, несмотря на особенное положение вице-губернаторов в Царстве: они с 1860-х гг. получили относительную самостоятельность, в отличие от коллег в других провинциях империи⁹. Нас интересуют причины смерти Селецкого осенью 1914 г., но прежде чем приступить к расследованию, обратим внимание на один из фактов его личного дела: он не был женат, предпочитая оставаться холостяком.

Известно, что наш «подследственный» покончил счеты с жизнью с помощью самоубийства. Это официальная версия, но нам удалось выйти на судебные и частные источники. Можем ли мы понять причины трагической кончины Виктора Михайловича? Определенные посылки можно найти в воспоминаниях Надежды Владимировны Брусиловой, второй жены славного генерала Алексея Алексеевича Брусилова¹⁰ и дочери известной детской писательницы В. П. Желиховской (Ган)¹¹. Из ее воспоминаний мы узнаем, что представители местной российской элиты ви-

⁷ О назначении к [оллежского] с [советника] Селецкого Люблинским вице-губернатором // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1284. Оп. 47, 1907 г. Д. 61; APL. RGL. Os. 1586, M. Sielecki.

⁸ Robbins R. G. The Tsar's viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca; London, 1987. P. 201.

⁹ Górak A. Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski. Lublin, 2008. S. 97–101.

¹⁰ С 5 января 1909 г. командир XIV Армейского корпуса в Люблине, с 15 мая 1912 г. помощник командующего войсками Варшавского военного округа. См.: Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003. С. 90–98.

¹¹ Брусилова Н. В. Воспоминания, записки, впечатления: 1870–1930-е: в 2 т. Т. 1. М., 2017.

делись почти каждый день, на разнообразных встречах и мероприятиях. Селецкий был частью этого кружка: «Михаил Викторович рассказывал нам всякие городские истории и планы развлечений»¹². Семья Брусиловых весьма сблизилась с ним. Его воспринимали как красивого человека приятной наружности, очень элегантного, которому улыбается жизнь. Однако все понимали, что в то время, как он занимает должность вице-губернатора, его товарищи — такие же выпускники Школы правоведения — уже давно назначены губернаторами.

Брусилова отметила к тому же, что он не ладил со своими очередными начальниками — Е. В. Менкиным¹³ и А. И. Келеповским. Кстати, и семья Брусиловых была в конфликте с семьей Менкиных¹⁴. Между тем именно мнение губернатора могло бы стать главным толчком для дальнейшего продвижения Селецкого. Автор одной из первых монографий о губернаторской власти отмечает, что практика того времени демонстрирует отсутствие какого-либо порядка в назначении губернаторов — все зависело от случая, особенно от покровительства¹⁵.

Селецкому не везло в личной жизни. Он однажды хотел жениться, но ему это не удалось. Постоянно был влюблен и всегда безответно. Когда уехали Менкины и приехала семья Келеповских, Селецкий влюбился в дочь губернатора — красавицу Лику (Елизавету, с 4 июля 1910 г. фрейлину императорского двора, 23 апреля 1917 г. она вышла замуж за князя Д. А. Голицына, а развелась десятью годами позже¹⁶). Это была кокетка, которая без труда добилась любви 47-летнего Михаила, наверное, и не подозревая о последствиях. Брусиловой о трагическом финале этого дела потом рассказал Анатолий Чеховский — люблинский прокурор. Вице-губернатор оказался в тяжелой жизненной ситуации: Лика окончательно отвергла его и уехала с отцом на новое место его службы¹⁷. В то же время его коллега (Стерлигов) был назначен новым люблинским губернатором, хотя этот пост надеялся занять Селецкий. Смена власти в губернии произошла, скорее всего, из-за того, что накануне уже явно неминуемой войны Келеповский решил сбежать из Царства Польского в более безопасный регион империи. Такое удавалось лишь лицам с определенными связями, к коим и принадлежал бывший губернатор¹⁸.

¹² Там же.

¹³ Губернатор Люблинский (1905–1912), а потом директор департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, сенатор: Докладные записки начальника Варшавского жандармского округа Фредерикса Бергу Ф. Ф. с характеристикой губернаторов и др. чиновников губерний Польши // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 547. Оп. 1. Д. 95; *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной // Архиепископ Холмский (1912–1914). Париж, 1947. URL: <http://pravbседа.ru/library/index.php?page=book&id=734> (дата обращения: 25.12.2020).

¹⁴ *Брусилова Н. В.* Воспоминания, записки, впечатления: 1870–1930-е: в 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 364.

¹⁵ *Блинов И.* Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 263; см. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; о политике назначений на губернаторский пост в Царстве Польском см.: *Górak A., Kozłowski J., Latawiec K.* Słownik biograficzny... S. 38–42.

¹⁶ *Górak A., Latawiec K.* Russian Governors in Kingdom of Poland. Lublin, 2016. P. 127.

¹⁷ 10 ноября Аркадий Келеповский был перемещен на службу в Лифляндскую губернию, см.: *Górak A., Kozłowski J., Latawiec K.* Słownik biograficzny... S. 224–227.

¹⁸ А. И. Келеповский был чиновником для особых поручений дяди императора, генерал-губернатора Москвы, Сергея Александровича Романова. См.: О назначении н[адворного] с[оветника] Келеповского Уфимским вице-губернатором // РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1905. Д. 100а, 100б; APL. RGL. Os. 709, A. Kielepowski; *Górak A., Latawiec K.* Russian Governors in Kingdom of Poland. P. 127; *Моро-*

Михаил же Викторович покончил с собой в ночь с 27 на 28 ноября 1914 г. сразу после прочтения письма от Стерлигова. Возможно, на трагическое решение Селецкого также повлияли тяжелые военные события последних месяцев, но официально было заявлено, что самоубийца уже какое-то время находился «в угнетенном состоянии духа»¹⁹.

По официальным данным, в губернаторском доме (в то время на Соборной площади), кроме губернатора и вице-губернатора, проживал начальник канцелярии губернатора, а также секретарь губернского правления. Губернатор и его домочадцы занимали 18 комнат, а вице-губернатор — 7 комнат. Кроме того, в распоряжении губернатора было еще несколько комнат, обустроенных на средства типографии²⁰. Жилище было полностью обеспечено отоплением за счет казны, но только губернатор имел право на казенную мебель. Условия жизни не могли не волновать чиновников, особенно перед прибытием на место назначения, о чем свидетельствует только что упомянутое письмо И. И. Стерлигова:

Глубокоуважаемый Михаил Викторович, 10 ноября состоялся высочайший приказ о моем назначении люблинским губернатором. Прошу любить и жаловать! Думаю в 20-х числах быть у Вас, для этого мне нужно знать, меблирован ли губернаторский дом, надо ли привозить свою мебель или ее можно отправить из Чернигова в Тамбовскую губернию в имение ко мне? Хороший ли дом и вообще условия жизни? Имеется ли казенная прислуга при доме или всю свою привозить? Можно ли достать повара или кухарку или тоже свою взять? Нужны ли лошади, есть ли для них фураж; сделан ли какой-нибудь запас продуктов (картофеля, кореньев, огурцов и т. д.); имеется ли при доме посуда, кухонная и столовая? Вот с какими вопросами я, обращаясь к Вам, глубокоуважаемый Михаил В[икторович] — надеюсь, что Вы не откажете мне ответить в самом непродолжительном времени, так как я должен скорее быть на месте, а не получил необходимых просимых сведений этих, что куда и кого куда деть. Я думаю, что лошадей надо будет взять с собою, ведь город большой. Буду ждать ответа Вашего, за что буду Вам весьма признателен. Глубоко уважающий Вас и сердечно признательный И. Стерлигов.

P.S. Возможно ли взять с собою двух ингушей, зачислить их на вакансии стражников? Какой им оклад у Вас с фуражами?²¹

Видно, что Стерлигов был опытным человеком, который при этом больше думал не о политической ситуации в стране и регионе, а об огурцах и возможности оплаты частной прислуги из государственной казны...

Что касается М. В. Селецкого, то имеется пространная версия его ухода из жизни. Унижение в любви и на службе вызвало у Михаила Викторовича мрачную меланхолию. Его друзья, видя, что с ним творится неладное, не оставляли его одного; но однажды во время работы, когда все были заняты, под каким-то предлогом он отослал своего дворецкого и пытался убить себя разными способами. «Сначала выстрелил — очевидно, была осечка, револьвер лежал на полу, взял бритву и перерезал себе вены, но ему показалось, что это медленная история, и пошел

зова А. В., Полетун Н. М. Черниговские губернаторы и вице-губернаторы. Чернигов, 2006; Посохов С. И., Ярмыш А. Н. Губернаторы и генерал-губернаторы. Харьков, 1997. С. 100–102.

¹⁹ Письмо Люблинского губернатора в МВД от 17.XI. 1914 г. // APL. RGL. Os. 1586, M. Sielecki.

²⁰ Инвентарная опись казенного имущества, находящегося в Губернаторском доме в г. Люблине, составлена в 1913 г. // APL. F. Kancelaria gubernatora lubelskiego. Os. 1913:146. L. I.

²¹ Письмо Стерлигова, осень 1914 г. // APL. RGL. Os. 1586, M. Sielecki.

из кабинета через столовую в спальню (ручеек крови на полу это все установил). В спальне взял два длинных полотенца, связал узлом и, перекинув через перегородку, повесился»²².

Вызванный по телефону прокурор Анатолий Адольфович Чеховский диагностировал смерть от кровотечения, поскольку умерший стоял на столе с петлей на шее, не отодвинув стола. Злоключения Селецкого не закончились даже после смерти: «лошади катафалка чего-то испугались, дернули с такой силой, что катафалк ударился о фонарный столб, накренился, и гроб упал на мостовую»²³.

Есть и более краткая версия: Селецкий сразу же после прочтения письма Стерлигова выстрелил себе в голову из револьвера «Бульдог»²⁴. В документах учреждения сказано, что Селецкий застрелился, но интересно, что два раза стрелял и два раза попал в голову. Примечательно, что официальная причина в виде кровопотери или сердечного приступа не помешала христианским похоронам. Его надгробие до сегодняшнего дня не найдено. Возможно, он был похоронен в простой могиле, а запланированным дальнейшим работам помешала эвакуация.

Чиновника Селецкого хорошо помнили. Вспоминали, что он правильно управлял губернией, когда заменял губернатора. Современники не понимали, «почему его маринуют столько лет вице-губернатором»²⁵. Селецкий также был источником множества анекдотов. Брусилова цитирует один из них. В табельный день Михаил Викторович в мундире и при орденах шел из собора в губернаторский дом. Встретил нетрезвого и затрапезного чиновника, который не обратил на него внимания. Это задело Селецкого:

- Почему вы мне не поклонились? Вы разве не знаете, кто я такой?
- Не знаю, — удивленно ответил тот.
- Я управляю губернией, а вы меня не знаете!
- Ну и управляйте себе на здоровье! — воскликнул чиновник добродушно, махнул рукой и пошел своей дорогой.

Селецкий сам со смехом рассказывал об этом, будто не понимая, какого «дурака сваял». Брусилова, на первый взгляд симпатизирующая Селецкому, представляет подробности его жизни и смерти как забавную сенсацию и заканчивает такой фразой: «Честолюбие и чванство российской бюрократии “в общем и целом”, как говорят большевики, было на редкость развито. И вот, может быть, эти недостатки много способствовали гибели Селецкого — в сущности, хорошего человека»²⁶.

Чересчур успешный любовник

Иван Дмитриевич Заушкевич не может не привлечь нашего внимания, хотя бы разительным отличием двух сторон его жизни: официальной и неофициальной (можно даже сказать, интимной). Не имея особых, так сказать, наследственных предпочтений, он сделал неплохую карьеру, добившись поста вице-губернатора,

²² Брусилова Н. В. Воспоминания, записки, впечатления. С. 365.

²³ APL. RGL. Os. 1586, M. Sielecki.

²⁴ Ibid. Os. 1693, E. Stavehagen.

²⁵ Брусилова Н. В. Воспоминания, записки, впечатления. С. 366.

²⁶ Там же.

но на этом пути сражен стрелой игривого Амура, и скончался в возрасте 57 лет в городе Сувалки²⁷. Впрочем, обо все по порядку.

Иван Дмитриевич в 1863 г. окончил юридический факультет Императорского Петербургского университета. Сразу был принят на службу в Министерство государственных имуществ, а в следующем году был командирован в подчинение Учредительного комитета в Царстве Польском — ведомства, которое занималось уничтожением автономии Царства Польского и введением там российской администрации²⁸. Иван Дмитриевич был назначен комиссаром в комиссию по крестьянским делам²⁹. После 20-летней службы комиссаром, в 1888 г., он занял пост седлецкого вице-губернатора. Седлецкая губерния не была самой незаметной, но и престижной не считалась. Она привлекла внимание высшего начальства лет десять назад, когда российская власть непримиримо боролась с греко-католической церковью. После службы в г. Седлеце быстрый переход (17 янв. 1891 г.) на должность сувалкского вице-губернатора на первый взгляд не может удивлять, поскольку постоянные перемещения (в среднем каждые 5 лет) были нормой. Официальную биографию И. Д. Заушкевича завершает смерть 30 сентября 1898 г., на отдаленном посту империи, в Сувалках³⁰.

Такова официальная биография чиновника Заушкевича. В большинстве случаев на этом заканчиваются сведения о любом чиновнике, но нам повезло, и мы можем узнать больше. Чиновничий мир имел не только лицевую (официальную) сторону жизни, но и оборотную, с другой системой формирования мнений и их круговоротом. На самом деле, именно эта информационная система зачастую решала судьбу карьеры того или иного чиновника. Она была тесно связана с политическим контролем, осуществляемым наместником или генерал-губернатором, жандармерией и, конечно, начальниками отдельных учреждений.

Кроме того, жизнь чиновника Заушкевича нашла отражение в частных воспоминаниях. Явно не случайный сюжет о нем находим у генерала Михаила Ивановича Венюкова. Зимой 1866 г. от вице-губернатора под предлогом болезни ушла прислуга, молодая женщина, но Иван Дмитриевич требовал, чтоб она вернулась, отказываясь вернуть ей вещи³¹. Уже целый ряд фактов об отношениях Заушкеви-

²⁷ Górak A., Kozłowski J., Latawiec K. Słownik biograficzny... С. 496–497; Горак А. Г. Как устроить любовницу? Непростая жизнь одного вице-губернатора // Управление документацией: прошлое, настоящее и будущее. М., 2017. С. 161–169.

²⁸ Zbiór postanowień Komitetu Urządzącego w Królestwie Polskiem. T. 3. Warszawa, 1866. С. 56; Постановления Учредительного Комитета в Царстве Польском. Т. I. Варшава, 1865. С. 148.

²⁹ Сначала в г. Люблин, а потом в Ченстохову и Ломжу. — APL. Lubelska Komisja ds. Włościańskich. D. 4. I. Zauszkiewicz. K. 90, 171, 220; Ibid. Lubelski Gubernialny Urząd ds. Włościańskich. D. 54, 58. K. 359, 425–430; D. 60. K. 174; Ibid. Urząd Gubernialny Piotrkowski do spraw Włościańskich. D. 227; *Dzierżanowski W. Przewodnik Warszawski informacyjno-adresowy na rok 1869*. Warszawa, 1869. С. 20; Список непременным членам Губернских по крестьянским делам присутствий и комиссарам по крестьянским делам в губерниях Царства Польского. Варшава, 1884. С. 17; *Przewodnik warszawski informacyjno-adresowy na rok 1870*. Warszawa, 1869. S. 10.

³⁰ Lietuvos valstybės istorijos archyvas. 1010. Os. 1. D. 2659. L. 74 v. — 75; Списки погребенных лиц // РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 52. Л. 102; О назначении к[оллежского] с[оветника] Энгелгарда Рижским мл. полицеймейстером // РГИА. Ф. 1284. Оп. 45 (1880 г.). Д. 80; По бумагам, принятым к сведению // РГИА. Ф. 1284. Оп. 46 (1891 г.). Д. 10. Л. 1; Центральный державний історичний архів України. Ф. 707. Оп. 30. Д. 93.

³¹ Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 363. Картон 8. Ед. хр. 61. Л. 15–16; *Groniowski K. Materiały do dziejów Lubelszczyzny w papierach M. Wieniukowa* // *Rocznik Lubelski*. 1961. T. IV. S. 304.

ча с женщинами открывает перед нами дело³², собранное седлецким губернатором Евгением Михайловичем Субботкиным³³. Заушкевич в Седлеце занял квартиру в доме еврея Цельника. Вскоре за ним переселились из Ломжи две еврейки, две сестры: жена Брукмана и Фелиция Вевюрка. При этом Фелиция открыто исполняла роль хозяйки в доме вице-губернатора. В связи с поведением Заушкевича на имя губернатора поступали жалобы, главным образом со стороны чинов земской стражи (полиции). Но дело приобрело серьезный характер, когда поступило письмо от варшавского генерал-губернатора со множеством компрометирующих Заушкевича сведений и с просьбой подтверждения их губернатором.

Основные события происходили в 1890 г.³⁴ Младший стражник Осип Остапчук донес, что вице-губернатор и постоянно живущая в его доме еврейка Фелиция Вевюрка используют его вестовым. Он вынужден был исполнять унижительные для полицейского чина работы, а при малейшем сопротивлении вице-губернатор поносил стражника «бранным словом». Полицмейстер приступил к секретному следствию и установил, что, действительно, в июле 1888 г. в Седлец приехали две еврейские семьи: Вевюрка и Брукман, которые сразу обратили на себя внимание полиции. По сведениям полиции, Заушкевич принудил одного еврея построить целый этаж и оборудовать вышеупомянутым еврейкам комнаты рядом со своими. По городу поползли неприличные слухи о связях Заушкевича с сестрами. Масла в огонь подливали и мужья сестер, которые вели себя вызывающе. Брукман занимался ходатайствами по частным делам, а Вевюрка приступал к торгам на большие суммы... без денег! Более того, Вевюрка требовал у советника Богданова, чтоб он поручал ему ремонты, обещая при этом благодарность Заушкевича. Полицмейстер определил, что когда Заушкевич был постоянным членом Присутствия по крестьянским делам, то Брукман и Вевюрка жили с секретарем Присутствия «душа в душу». На вице-губернатора жаловался даже сторож Губернского присутствия, «откомандированный по самым черным хозяйственным работам к Фелиции Вевюрке»³⁵.

Один из стражников писал: «Жены евреев постоянно посещают вице-губернатора и требовали подчинения, и чтобы я называл их барынями, убирал их комнаты, обслуживал самовар, наливал чай. <...> Ругали меня сволочью, бродягою, дрянью»³⁶. Другой заявлял: «Жены евреев пьют чай и играют в карты с вице-губернатором, а когда кто-нибудь приходит, убегают в другую комнату». Когда стражник не захотел перед одной из этих женщин встать и именовать ее барыней, вице-губернатор начал ужасно ругаться: «пошел вон вонючий». Далее тот стражник пишет: «А еврейки как придут с малыыми детьми, то и напакостят... и кричат, мол, бери тряпку и протри пол». Вице-губернатор обвинял его в том, что он «с другими стражниками хватали евреев на улицах и брили им бороды»³⁷. Через земскую стражу дошла до сведения губернатора и информация по делу Анны Красуской, которую уговорили на должность «мамки» к вице-губернатору, но когда она узна-

³² ГАРФ. Ф. Р5833. Оп. 1. Д. 60.

³³ Górak A., Kozłowski J., Latawiec K. Słownik biograficzny... S. 430–433.

³⁴ Варшавский генерал-губернатор И. В. Гурко к Евгению Михайловичу Субботкину, 11.IX. 1890 г. // ГАРФ. Ф. Р5833. Оп. 1. Д. 60. Л. 54.

³⁵ Александр Петрович Орлов, начальник Земской Стражи и полицмейстер г. Седлец, 14.VIII. 1890 г. Седлецкому губернатору, рапорт // Там же. Л. 2–4.

³⁶ Рапорт земского стражника Нила Зелинского, 9.VIII. 1890 г. // Там же. Л. 10.

³⁷ Донесение // Там же. Л. 12.

ла, что ей надо будет служить у евреев, то сбежала. Заушкевич приказал ее найти и привести силой, но стражники дело затянули, при этом не забыв записать жалобу смелой крестьянки³⁸.

Варшавский генерал-губернатор получил из рапортов жандармерии также информацию о предыстории взаимоотношений Заушкевича с двумя сестрами. Полученные сведения весьма нелицеприятно характеризуют частную жизнь седлецкого вице-губернатора, которая не могла не отразиться пагубно как на службе чиновника, так и на авторитете самой власти. Выяснилось, что Заушкевич, еще служа в Ломже, познакомился с девушкой-еврейкой, вступил с ней в любовную связь и прижил с ней ребенка. Затем он выдал ее замуж за молодого еврея Брукмана и предоставил ему должность писца в Ломжинском по крестьянским делам присутствии³⁹. К несчастью для Заушкевича, Брукман обнаружил в этом положении дополнительную выгоду и начал проворачивать сомнительные дела. А Иван Дмитриевич, закончив отношения с одной сестрой, вступил в любовную связь с другой, Фелицией, сделав ее в своем доме экономкой и выдав замуж за ломжинского еврея Вевюрку. После получения назначения на должность седлецкого вице-губернатора всю компанию он забрал с собой. Дошло до того, что вице-губернатор отправился со своей любовницей в отпуск за границу.

Генерал-губернатора особенно взволновало то, что все эти факты оказались преданы огласке и вылились в публичный скандал. Образ жизни Заушкевича характеризовался так: «Ведет закрытую жизнь; не поздравляется с подчиненными; груб, а с низшими высокомерен; многие чиновники ищут возможности перехода в другие учреждения». И далее: «...весьма многие лица из русского кружка не считают для себя нужным относиться к нему с подобающим его званию уважением». И наконец: «Люди относятся с насмешкою и с явным пренебрежением к его личности»⁴⁰. Характер отношений Заушкевича с Брукманами и Вевюрками доказывает также его корреспонденция с Фелицией Вевюркой. Эти любовные письма держал Брукман, потом их украл у него другой еврей, и оба пользовались ими для своих целей, как орудием шантажа⁴¹. Эти письма дают и «избыточную» информацию: оказывается, что у Заушкевича и до описываемых событий была жена, что, впрочем, было не отмечено в его формулярном списке; что он подозревал свою любовницу в связи с каким-то «синегубым поповичем». При всем том, Заушкевич старался, чтобы его воспринимали как представителя консервативного крыла: носил традиционную длинную бороду с двумя концами⁴² и являлся членом православных обществ⁴³. Другими словами, подстраивался под тот образ чиновника на имперской окраине, который определенным кругам в центре казался идеальным. Мимикрия была столь успешной, что начальство даже смирилось с развратным образом его жизни, и поплатился он только тем, что был переведен вице-губернато-

³⁸ Рапорт делопроизводителя управления полицмейстера, 12.VIII. 1890 г. // ГАРФ. Ф.Р5833. Оп. 1. Д. 60. Л. 14.

³⁹ Там же. Л. 54.

⁴⁰ Там же. Л. 55.

⁴¹ Письма И. Д. Заушкевича к Фелиции Вевюрке // Там же. Л. 23–24.

⁴² Там же. Л. 40, 41.

⁴³ Отчет о деятельности Сувалкского Православного Приходского Попечительства за 1893 г. Сувалки, 1894. С. 20–21; Холмско-Варшавский Епархиальный Вестник. 1892. № 24. С. 489.

ром в Сувалки. Это был конец его карьеры, но, похоже, что о высотах оной Заушкевич никогда и не мечтал...

Жизнь на широкую ногу в самой тихой губернии

Семен Николаевич фон Корф — ломжинский, а потом варшавский губернатор (1897–1914 гг.), привлекает наше внимание успешной карьерой, складывавшейся на фоне масштабных злоупотреблений, коррупции, распутного образа жизни и скандалов⁴⁴. Как и Заушкевич, сразу после окончания Петербургского университета барон Корф был включен в штат Министерства юстиции, но вскоре перешел на военную службу⁴⁵. В 1880 г. его направили в главное тюремное управление МВД и перевели в гражданский чин⁴⁶. С 1891 по 1897 г. Корф служил в Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений. В это время он получает ряд орденов и медалей, а также повышение — чин статского советника и придворное звание камергера. Блага из имперского рога изобилия закончились 2 (14) мая 1897 г., когда он был назначен для исполнения обязанностей ломжинского губернатора, несмотря на отсутствие соответствующего чина⁴⁷. Должных компетенций для отправления такой должности у 53-летнего Корфа явно не наблюдалось. Впрочем, может, потому и получил он назначение в Ломжу, где «условия не такие сложные... самая тихонькая и простая в управлении [губерния], во всем крае»⁴⁸. Ломжа совсем не напоминала Петербург, ей было далеко даже до Варшавы. Судя по всему, назначение чиновник получил благодаря знакомствам в высокопоставленных столичных кругах. Корфа считали одним из людей, привлеченных в этот край генерал-губернатором князем Александром Константиновичем Багратионом-Имеретинским⁴⁹.

На месте службы Корф вошел в дружеские отношения с местным вице-губернатором Лабудзинским. Правда, судя по доносам жандармов, дружба сия в основном выражалась в оргиях и совместных хищениях⁵⁰. Ломжинских старожилов удивляло, что женатый барон оставил жену в Петербурге и редко приглашал

⁴⁴ Górak A. Baron Siemion Nikolajewicz Korf — gubernator łomżyński i warszawski // Dzieje biurokracji ziem polskich. T. III. Lublin; Siedlce, 2010. S. 267–292.

⁴⁵ Формулярный список о службе С. Н. Корфа // РГИА. Ф. 1284. Оп. 46 (1897 г.). Д. 47. О назначении делопроизводителя канцелярии по принятию прошений в звании камергера [татского] [советника] барона Корфа, и [сполняющего] д[олжность] Ломжинского губернатора. Л. 210–218 об.; *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999; Военная энциклопедия / под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб., 1911–1915.

⁴⁶ Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1891 год. Ч. 1. СПб., 1891. С. 292.

⁴⁷ Формулярный список о службе С. Н. Корфа // РГИА. Ф. 1284. Оп. 46 (1897 г.). Д. 47. Л. 210–218 об.

⁴⁸ Письмо Г. А. Скалона к П. А. Столыпину от 2.VI. 1909 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1030. Дело по вопросу о кандидатурах на посты варшавского вице-губернатора и Ломжинского губернатора. Л. 2–5.

⁴⁹ А. К. Багратион-Имеретинский — варшавский генерал-губернатор (1897–1900 гг.). См.: *Ihnatowicz I., Biernat A.* Vademecum do badań nad historią XIX i XX wieku. Warszawa, 2003. S. 571; *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. S. 131–132.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 265 (Канцелярия Помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, 1896–1917). Оп. 1. Д. 1741. О предосудительных действиях и [сполняющего] д[олжность] Ломжинского губернатора барона Корфа и некоторых других чинов администрации Ломжинской губернии. Л. 1–9 об.

в Ломжу⁵¹. Кроме того, жандармерия доносила, что он участвует в охотах с польскими помещиками, которые его щедро угощают. Особенное возмущение провинциального жандарма вызвало распивание шампанского⁵². По словам жандармов, Корф разработал изощренную и практически недоказуемую систему получения взяток от помещиков: брал ссуды, которых никогда не возвращал, и не выставил векселей. Примером такого рода махинаций может быть постройка шоссе от железнодорожной станции к имению того или иного помещика⁵³. Но не взяточничество, а, скорее, нарушение норм морали больше всего притягивало внимание жандармов: «В квартире вице-губернатора проживает зять его драгунский офицер Кригин, пользующийся отоплением и прислугой из сумм Губернского правления. Сын Лабудзинского, живущий там же, дурного поведения, среди дня приводит к себе женщин из публичных домов. Эти грешницы на лестнице встречаются с чиновниками Губернского правления, идущими на службу»⁵⁴.

Жандармерия установила, что у Корфа одновременно имелось три любовницы. Первая — дочь столяра Ашера, который, таким образом, имел доступ к губернатору и деятельно пользовался его протекцией. Например, ему было поручено отремонтировать бюро Ломжинского уездного управления без проведения торгов, на сумму 8 тыс. руб. Взамен плотник подарил Корфу мебель для столовой и гостиной стоимостью 500 руб. Второй любовницей губернатора была настоящая *femme fatale*, мадам Лондинская — жена адвоката. По словам жандарма, она была не только источником постоянных скандалов, в том числе на сексуальной почве, но и отвечала за распространение секретной информации по всей Ломже, например документа князя Багратиона-Имеретинского под названием «мемориал»⁵⁵, который в результате ее стараний в городе не читал только ленивый, а также других новостей из-за рубежа, ведь «Лондинские получают заграничные газеты без цензуры»⁵⁶. Получалось так, что все служебные секреты барон Корф сообщал Лондинским, а от тех об этом узнавал уже весь город. Жандармерия долгое время была бессильна против этой женщины, потому что прежний губернатор Эссен также был ее любовником⁵⁷.

Выходец из Петербурга Корф быстро устал от провинциальной Ломжи и старался оживить местную общественную жизнь. Лондинские, с которыми он быстро сблизился, весьма пригодились в этом деле. Он навещал их почти каждый вечер,

⁵¹ ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1741. Л. 9–9 об.

⁵² Там же.

⁵³ «Старанием Корольца помещику Ржантковскому признано пропинационное вознаграждение вдвое против стоимости. Богатый помещик — Андлаурс дал бар. Корфу 5 тыс. руб. за устройство за казенные деньги шоссе от имени его Буцинь к станции железной дороги. Корф ходатайствовал, чтобы шоссе это строил сам Андлаурс» (см.: Там же. Л. 8).

⁵⁴ Там же. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1749. Дело о злоупотреблениях по службе Ломжинского губернатора бар. Корфа, вице-губ. Лабудзинского и других. Л. 1.

⁵⁵ В 1898 г. был украден, а затем опубликован в Лондоне со введением И. Пилсудского, секретный мемориал А. К. Багратиона-Имеретинского. См.: *Jaśkiewicz L. Książę Aleksander Imertyński i kwestia robotnicza w Królestwie Polskim (1897–1898) // Gospodarka. Ludzie. Władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Łukasiewiczowi w 75. rocznicę urodzin. Warszawa, 1999.*

⁵⁶ С. Н. Корф регулярно ездил за границу, в частности в Париж. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 46 (1897 г.). Д. 47. О назначении делопроизводителя канцелярии по принятию прошений в звании камергера с[татского] с[оветника] барона Корфа, и[сполняющего] д[олжность] Ломжинского губернатора. Л. 81.

⁵⁷ Рейнгольд Васильевич фон Эссен умер в Ломже в 1895 г. См.: APL. RGP. 4379. R. Essen. L. 1–7; *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. S. 314.*

оставаясь до 5–6 утра. По словам жандарма, в доме Лондинских устраивались оргии, в которых помимо губернатора и госпожи Лондинской участвовали прокурор окружного суда Фабрициус⁵⁸ и его жена (бывшая шансонетка), врач Хилинский и молодой богатый помещик Яблонский, которого жандарм назвал «глупым Юзком». Жандармерия отметила, что однажды после обеда у барона Корфа, в 12 часов ночи, у Лондинской появилась пьяная компания. Гости вытащили хозяйку из постели и уговорили станцевать канкан в одной ночной рубашке⁵⁹.

Третьей любовницей губернатора могла быть жена местного полицмейстера⁶⁰. Кроме жадности и тяги ко взяточничеству, она, правда, ничем не отметилась, но благодаря ей все жалобы на Корфа, адресованные варшавскому генерал-губернатору, перехватывались полицмейстером. Жандармерия, кстати, и ему давала яркие характеристики: «Пьяница и взяточник, земская стража полностью распущена, ходит лишь за взятками, пьет бесплатно и берет без денег». Основой хороших отношений с бароном стали совместные попойки, организованные в ресторане Чоханского, игра в винт и охота⁶¹. Охлаждение отношений барона-губернатора с местной элитой начальник жандармов описывает так: «Сначала проводил время в оргиях с офицерами драгунов, выпивая с ними брудершафты и посещая охоты польских панов... но потом все поменялось, помещики остыли по отношению к барону Корфу, драгуны сочли расходы на кутежи в ресторане Чоханского за пределами своих возможностей»⁶².

Стоит отметить и то, что после смерти Багратиона-Имеретинского Корф изменил свое отношение к местному польскому населению, став гораздо менее покладистым и толерантным. Когда в сельских школах стали бойкотировать русский язык, он первым предложил административные наказания⁶³. Вероятно в связи с подобной позицией губернатора, в ночь с 21 на 22 января 1904 г. возле Ломжи произошло покушение на Корфа⁶⁴. Полиция не установила преступника⁶⁵, а Корф, вероятно к огорчению жандармов, получил поздравительную телеграмму от императора⁶⁶. Доказательства благосклонности высшего начальства были и позже: в 1902 г. — орден Св. Станислава 2-й степени, в 1906 г. — орден Св. Анны 1-й степени,

⁵⁸ Федор Андреевич Фабрициус — прокурор, на службе с 1875 г. См.: Памятная книжка Ломжинской губернии на 1897 год. Ломжа, 1897. С. 192.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1749. Дело о злоупотреблениях по службе Ломжинского губернатора бар. Корфа, вице-губ. Лабудзинского и других. Л. 15. — Интересно, что такой образ жизни и характер личности вполне мирно уживались с солидным и, в общем-то, положительным внешним обликом этого человека. Княгиня Любомирская писала: «Корф неплохой и глуп; расчесывает свою длинную седую бороду на две далекие шпичи. Говорят, что на голове носит пару... но он нам нравится; вежливый; бывает услужливым» (Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej: 1914–1918. Poznań, 1997. S. 16. Цит. по: *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915*. S. 281).

⁶⁰ Полицмейстер — Алексей Иванович Макаров, поручик. См.: Общая роспись... Ч. 2. С. 373.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1749. Л. 8 об.

⁶² Там же. Л. 14.

⁶³ *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915*. S. 209.

⁶⁴ *Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego*. Т. III. Red. Ż. Kormanowa, F. Tych. Warszawa, 1992. S. 156–157.

⁶⁵ Kraj. 1904. Nr. 3. S. 19.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 46 (1897 г.). Д. 47. О назначении делопроизводителя канцелярии по принятию прошений в звании камергера [татского] барона Корфа, и [сполняющего] д[олжность] Ломжинского губернатора. Л. 6; *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915*. S. 159–160.

16 (29) декабря 1905 г. — благодарность от императора за попечительство над церковно-строительной частью и постройку церкви в г. Кольно⁶⁷. Однако главным результатом плодотворной деятельности барона в Ломже явилось звание шталмейстера, свидетельствующее о связях в придворной среде, а также назначение на должность варшавского губернатора 20 января (2 февраля) 1907 г., что, несомненно, следует истолковывать как повышение⁶⁸.

Корф завершил карьеру в Царстве Польском даже более эффектно и ярко, чем начал: 3 (16) ноября 1914 г. он попал в плен к немцам⁶⁹. События развивались следующим образом. Губернатор со штабным офицером для особых поручений полковником Фехнером, курьером канцелярии губернатора Юзефом Островским и шофером Владиславом Лесневским поехали в понедельник 3 (16) ноября 1914 г. в 7 часов утра в город Лович, куда прибыли около 9 часов, и поехали дальше в сторону города Кутно, где их и пленил отряд немецких драгунов. Судьба губернатора прояснилась только по прошествии нескольких дней: взятый в плен немецкий драгун похвастался пленением русского генерала (Корфа приняли за генерала из-за мундира шталмейстера: короткая куртка со шнурками и кепка в национальных цветах)⁷⁰. Падкая на сенсации пресса обнародовала возмутительную информацию. 15 (28) ноября в газете «Новое время» напечатали записку под названием: «Как попал в плен варшавский губернатор», в которой были намеки на бегство Корфа к врагам⁷¹. Через шесть дней со страниц той же газеты власти объясняли, что причиной отъезда губернатора из Варшавы были «чрезвычайные меры по организации госпиталей для солдат, страдающих заразными заболеваниями»⁷². Корф, просидевший в тюрьме на хлебе и воде, вернулся в Россию в следующем году, но пост варшавского губернатора был уже занят. Но могущественные покровители и здесь не оставили его на мели: в 1915 г. он стал сенатором⁷³. Ушел из жизни Семен Николаевич в 1920 г.⁷⁴

* * *

На вышеуказанных трех примерах можно рассмотреть различия между тремя информационными системами формирования мнений о чиновниках Российской империи в конце XIX — начале XX в.: официальной, секретной и частной. Система официальная сосредоточивала информацию в формулярных и послужных списках и сопутствующих с ними в личном деле первичных документах. Система секретная основывалась на политическом надзоре за бюрократическим аппаратом и исполь-

⁶⁷ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Zarząd Duchowny Kościoła Prawosławnego w Królestwie Polskim. D. 279. L. 15.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 46 (1897 г.). Д. 47. О назначении делопроизводителя канцелярии по принятию прошений в звании камергера с[татского] с[оветника] барона Корфа, и[сполняющего] д[олжность] Ломжинского губернатора. Л. 217 об.; Письмо Варшавского генерал-губернатора Столыпину от 30.XII 1906 г., с рекомендацией Корфа на должность варшавского губернатора // Там же. Л. 186.

⁶⁹ Письмо Варшавского вице-губернатора Грессера до МВД от 6.XI. 1914 г. // Там же. Л. 198.

⁷⁰ Archiwum Państwowe w Warszawie. Kancelaria Gubernatora Warszawskiego. D. I/579. L. 26–39.

⁷¹ Варшавский губернатор до А. О. Эссена и. о. Варшавского генерал-губернатора 17.XI. 1914 г. // Ibid. L. 51–51v.

⁷² Варшавский губернатор до редакции «Новое Время» 21.XI. 1914 г. // Там же. Л. 52–52 об.

⁷³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 112.

⁷⁴ *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. S. 309.*

зовала главным образом рапорты жандармов и мнения генерал-губернаторов. Кроме того, существовала третья система — частная, формировавшаяся в общественных и семейных кругах. И она имела влияние на карьеру чиновника, может быть, даже самую решительную, посредством неформальных слухов, сказывавшихся на репутации чиновников, уважении (или отсутствии оного) к ним. Эта система была связана с двумя первыми хотя бы в виде частных рекомендаций, посылаемых к министру или генерал-губернатору. Надо заметить, что если все три системы связаны друг с другом, то у каждой были все-таки свои приоритеты и критерии. Об этом можно судить на основе отсутствия или присутствия тех или иных фактов в документах. Так, неформальные сексуальные отношения не отражались в документах учреждений, как вредные для этого службы, — о них мы узнаем в делах секретных и источниках частного происхождения. Причем видно, что подобная сторона жизни воспринималась довольно обыденно и рассматривалась как часть стиля и умения в этой жизни устраиваться. Неудачников не ценили, хотя иногда проявляли к ним симпатию.

Изучение различных обстоятельств жизни сановников может многое сказать об отношениях, господствовавших в среде российской бюрократии конца империи, помогая понять социальную среду управленцев той эпохи (и это благодаря источникам, которые трудно назвать официальными). Возникает вопрос, насколько верную картину этой среды мы обычно получаем, изучая лишь документы из фондов учреждений?! Стеклообразные потолки, неформальные и политические условия карьеры, повседневная жизнь... многие из этих обстоятельств ускользают от внимания исследователей, имеющих дело с источниками лишь официального происхождения. Селецкий — казалось бы, идеальный кандидат для быстрой бюрократической карьеры, застрял в Люблине на должности вице-губернатора. Его отношения с начальниками, личная жизнь и, вероятнее всего, репутация — привели его к трагическому концу.

Барон Корф — натура многогранная и, судя по всему, далекая от казенного «цареславия». Он стремился к исполнению лишь основных обязанностей российского сановника Привисленского края. С одной стороны, он строит православный храм, с другой — ведет жизнь, полную развлечений, выходящих порой за рамки приличия. Тем не менее надо признать, что это опытный человек, который знает свое дело и чувствует, что может себе позволить, учитывая силу своих связей в Санкт-Петербурге. Вот почему совершенные им злоупотребления остаются безнаказанными. Он может игнорировать или удалять людей, которые ему не нравятся или пытаются навредить. Успешность Корфа в продвижении по бюрократической лестнице очень многое проясняет в системе управления. Конечно, отсутствие националистического и религиозного энтузиазма не означает, что этот герой не вписывается в канон российской бюрократии. Напротив, он — отличный профессионал.

Совсем другая картина возникает, когда речь идет о Заушкевиче — человеке без связей, который пытался имитировать такой образ жизни, но добился эффекта скорее карикатурного. Дискредитировав себя, он не смог влиться в круги высшего общества, а только усложнил свою личную и профессиональную жизнь.

Похоже, что избранные нами герои не сильно выделялись из сословия русских сановников. Если их поведение и не было вполне типичным, то находилось в рамках общепринятых представлений, и только стечение обстоятельств привело

к тому, что о них возникла избыточная информация, отразившаяся в источниках, попавших в руки историка.

References

- Blinov I. *Gubernatory. Istoriko-iuridicheskii ocherk*. St. Petersburg, Tipol. K. L. Pentkovskogo Publ., 1905, 366 p. (In Russian)
- Chimiak Ł. *Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1999, 358 s.
- Górac A. Baron Siemion Nikołajewicz Korf — gubernator łomżyński i warszawski. *Dzieje biurokracji ziem polskich, t. III*. Lublin, Siedlce, 2010, ss. 267–292.
- Górac A. G. Kak ustroit' liubovnitsy? Neprostaia zhizn' odnogo vitse-gubernatora. *Upravlenie dokumentatsiei: proshloe, nastoiashchee i budushchee*. Moscow, Termika.ru. Publ., 2017, pp. 161–169. (In Russian)
- Górac A. Governors in governorates Kingdom of Poland: selection of candidates and the political goals of the empire. *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, 2015, t. XII, ss. 101–110.
- Górac A. *Kancelaria Gubernatora i Rząd Gubernialny Lubelski*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2008. 342 s.
- Górac A. Privilegii chinovnikov russkogo proiskhozhdenia v administratsii Tsarstva Pol'skogo posle vosstania 1863 g. *Poliaki v Rossii: epokhi i sud'by*. Krasnodar, Kuban. gos. un-t Press, Parabellum Publ., 2010, pp. 21–40. (In Russian)
- Górac A., Kozłowski J., Latawiec K. *Słownik biograficzny gubernatorów i wicegubernatorów w Królestwie Polskim (1867–1918)*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2015, 543 s.
- Górac A., Latawiec K. *Russian Governors in Kingdom of Poland*. Lublin, Libra, 2016, 288 s.
- Groniowski K. Materiały do dziejów Lubelszczyzny w papierach M. Wieniukowa. *Rocznik Lubelski*, 1961, t. IV, ss. 303–306.
- Ihnatowicz I., Biernat A. *Vademecum do badań nad historią XIX i XX wieku..* Warszawa, PWN, 2003, 676 s.
- Jaśkiewicz L. Książę Aleksander Imertyński i kwestia robotnicza w Królestwie Polskim (1897–1898). *Gospodarka. Ludzie. Władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Łukasiewiczowi w 75. rocznicę urodzin*. Warszawa, Wydawnictwo Krupski i S-ka, 1999, ss. 257–264.
- Kulikov S. V. *Biurokraticheskaja elita Rossijskoy imperii nakanune padenia starogo poriadka (1914–1917)*. Riazan', Izdatelstvo P. A. Trubinskoy Publ., 2004, 467 p. (In Russian)
- Latawiec K. *W służbie imperium... Struktura społeczno-zawodowa ludności rosyjskiej na terenie guberni lubelskiej w latach 1864–1915*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2007, 273 s.
- Morozova A. V., Poletun N. M. *Chernigovskie gubernatory i vitse-gubernatory*. Chernigov, Desnians'ka Pravda Publ., 2006, 200 p. (In Russian)
- Posokhov S. I., Iarmysh A. N. *Gubernatory i general-gubernatory*. Khar'kov, Region-Info Publ., 1997, 163 p. (In Russian)
- Robbins R. G. *The Tsar's viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire*. Ithaca, London, Cornell University Press, 1987, 328 p.
- Słownik biograficzny działaczy polskiego ruchu robotniczego*. T. III. Red. Ż. Kormanowa, F. Tych. Warszawa, 1992, 619 s.
- Szabaciuk A. *“Rosyjski Ulster”: kwestia chełmska w polityce imperialnej Rosji w latach 1863–1915*. Lublin, Wydawnictwo KUL, 2013, 308 s.
- Wrzyszcza A. *Gubernia chełmska. Zarys ustrojowy*. Lublin, Wydawnictwo UMCS, 1997, 199 s.
- Zaleskiy K. A. *Kto byl kto v Pervoi mirovoi voine*. Moscow, Astrel' Publ., 2003, 891 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 января 2021 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: January 17, 2021

Accepted: May 25, 2021